

Русский солдат Александр Воронцов просидел в яме, в Чечне, 5 лет

*Пять лет судьбы одного человека.
Саша был в чеченском плену — 5 лет;
два года его — НЕ КОРМИЛИ;
испытывали на нем приемы рукопашного боя;
его несколько раз — РАССТРЕЛИВАЛИ, стреляли почти в упор, но
так и — НЕ СМОГЛИ расстрелять!*

В 1995 году — первая чеченская война. Я подполковник Антоний Маньшин, был командиром штурмовой группы, а соседняя, вторая штурмовая группа была названа именем героя России Артура, моего друга, который погиб в Грозненских боях, накрыв собой раненого солдата: солдат выжил, а он погиб от 25 пулевых ранений. В марте 1995 года штурмовая группа Артура из 30 бойцов на трех БРДМ-ах выполняла штабной рейд по блокированию групп боевиков во Введенском ущелье. Есть там такое место Ханчелак, что переводится с чеченского — как мертвое ущелье, там нашу группу поджидала засада. Засада — это верная смерть: головная и замыкающая машины подбиваются, и тебя методически расстреливают с высоток. Группа, попавшая в засаду, живет максимум 20-25 минут — потом остаётся братская могила.

По радиостанции запросили помощь с воздуха вертолетов огненной поддержки, подняли мою штурмовую группу, мы прибыли на место через 15 минут. Управляемыми ракетами воздух-земля уничтожили огневые позиции на высотках. К нашему удивлению группа уцелела, только недосчитались Саши Воронцова. Он был снайпером и сидел на головной машине, на БРДМ-е и взрывной волной его сбросило в ущелье метров 40-50 глубиной. Стали его искать, не нашли. Уже стемнело. Нашли кровь на камнях, а его не было.

Случилось худшее, он, контуженный, попал в плен к чеченцам. Мы по горячим следам создали поисково-спасательную группу, трое суток лазили по горам, даже в контролируемые населенные пункты боевиков ночью входили, но так Сашу и не нашли. Списали, как без вести пропавшего, потом представили к ордену мужества.

И вы, представляете, проходит 5 лет. Начало 2000 года, штурм Шатоя, в Артурском ущелье в Шатойском районе есть населенный пункт Итум-Кале, при блокировке его нам мирные жители сообщили, что у них в зиндане (в яме) сидит наш спецназовец уже 5 лет. Надо сказать, что 1

день в плену у чеченских бандитов — это ад. А тут — 5 лет. Мы бегом туда, уже смеркалось. Фарами от БМП осветили местность.

Видим яму 3 на 3 и 7 метров глубиной. Лесенку спустили, поднимаем, а там живые мощи. Человек шатается, падает на колени и я по глазам узнал Сашу Воронцова, 5 лет его не видел и узнал. Он весь в бороде, камуфляж на нем разложился, он в мешковине был, прогрыз дырку для рук, и так в ней грелся. В этой яме он испражнялся и там жил, спал, его вытаскивали раз в два-три дня на работу, он огневые позиции чеченцам оборудовал. На нем вживую чеченцы тренировались, испытывали — приемы рукопашного боя, то есть ножом тебя — в сердце бьют, а ты должен удар отбить. У нас в спецназе подготовка у ребят хорошая, но он изможденный, никаких сил у него не было, он, конечно, промахивался — все руки у него были изрезаны. Он перед нами на колени падает, и говорить не может, плачет и смеется. Потом говорит:

- Ребята, я вас 5 лет ждал, родненькие мои.

Мы его в охалку, баньку ему истопили, одели его. И вот он нам рассказал, что с ним было за эти 5 лет. Мы сидели неделю с ним, соберемся за трапезой, обеспечение хорошее было, а он кусочек хлеба мусолит часами и ест тихонечко. У него все вкусовые качества за 5 лет атрофировались. Рассказал, что его 2 года вообще — не кормили. Спрашиваю:

- Как ты жил-то?

А он:

- Представляешь, командир, Крестик целовал, крестился, молился, — брал глину, скатывал в катышки, крестил её, — и ел. Зимой снег — ел.

- Ну и как? — спрашиваю. А он говорит:

- Ты знаешь, эти катышки глиняные были для меня вкуснее, чем домашний пирог. Благословенные катышки снега были — слаще меда.

Его 5 раз — расстреливали на Пасху. Чтобы он не убежал, ему — перерезали сухожилия на ногах, он стоять — не мог. Вот ставят его к скалам, он на коленях стоит, а в 15-20 метров от него, несколько человек с автоматами, которые должны его расстрелять. Говорят: *“Молись своему Богу, если Бог есть, то пусть Он тебя спасет”*. А он так молился, у меня всегда в ушах его молитва, как простая русская душа: *“Господи Иисусе, мой Сладчайший, Христе мой Предивный, если Тебе сегодня будет угодно, я ещё поживу немножко”*. Глаза закрывает и крестится. Они спусковой крючок снимают — осечка. И так дважды — выстрела НЕ ПРОИСХОДИТ. Передвигают затворную раму — НЕТ выстрела. Меняют спарки магазинов, выстрела — опять не происходит, автоматы — МЕНЯЮТ, выстрела все равно — не происходит. Подходят и говорят: *“Крест сними!”* Расстрелять его — не могут, потому что Крест висит на

нем. А он говорит: *“Не я этот Крест надел, а священник в таинстве Крещения. Я снимать — не буду”*. У них руки тянутся — Крест сорвать, а в полуметре от его — тела их скрючивает Благодать Святого Духа и они скорченные — падают на землю. Избивают его прикладами автоматов и бросают его в яму. Вот так два раза пули — не вылетали из канала ствола, а остальные вылетали и всё — МИМО него летели. Почти в упор — не могли расстрелять, его только камешками посекает от рикошета и всё.

В Сашу влюбилась девушка чеченка, она его на много моложе, ей было 16 лет. Она на третий год в яму по ночам носила ему козье молоко, на веревочке ему спускала, и так она его выходила. Её ночью родители ловили, пороли до смерти, запирали в чулан. Звали её Ассель. Я был в том чулане, там жутко холодно, даже летом, там крошечное окошко и дверь с амбарным замком. Связывали её. Она умудрялась за ночь разгрызть веревки, разбирала окошко, вылезала, доила козочку и носила ему молоко. Он Ассель забрал с собой. Она крестилась с именем Анна, они повенчались, у них родилось двое деточек, Кирилл и Машенька. Семья прекрасная.

Вот встретились мы с ним в Псково — Печерском монастыре. Обнялись, оба плачем. Он мне всё рассказывает. Я его к старцу Адриану повел, а там народ не пускает. Говорю им:

- Братья и сестры, мой солдат, он в Чечне в яме 5 лет просидел. Пустите Христа ради.

Они все на колени встали, говорят:

- Иди, сынок.

Прошло минут 40. Выходит с улыбкой Саша от старца Адриана и говорит:

- Ничего не помню, как будто — с Солнышком беседовал!

А в ладони у него ключи от дома. Батюшка им дом подарил, который от одной старой монахини монастырю отошел.

А самое главное, мне Саша при расставании сказал, когда я его спросил, как же он всё это пережил:

- Я два года пока сидел в яме плакал так, что вся глина подо мной мокрая от слез была. Я смотрел на звездное чеченское небо в воронку зиндана и ИСКАЛ — моего Спасителя. Я рыдал как младенец, ИСКАЛ — моего Бога.

- А дальше? — спросил я.

- А дальше — я купаюсь в Его объятиях, — ответил Саша.

подполковник Антоний Маньшин